

Зыков Д.В. Эволюция феномена права в контексте его внешних форм и внутреннего содержания // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 117-139. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_117

УДК 340.112

DOI 10.17506/26867206_2023_23_4_117

Эволюция феномена права в контексте его внешних форм и внутреннего содержания

Дмитрий Валерьевич Зыков

Волгоградский государственный университет

г. Волгоград, Россия

E-mail: zyk9@yandex.ru

*Поступила в редакцию 31.08.2023, поступила после рецензирования 12.11.2023,
принята к публикации 04.12.2023*

В статье посредством сочетания диалектического и феноменологического подходов исследуется происхождение феномена права, прослеживается эволюция его внешних форм и внутреннего (смыслового) содержания. Выделяются четыре исторические стадии эволюции права: генезис феномена, появление древних законов, позитивация права в XVIII – начале XIX вв., трансформация современного права в объективный механизм управления обществом. Обосновывается, что диалектические законы (принципы) движения материи являются способами эволюции феномена права, поскольку исторические стадии его развития протекали в соответствии с ними. Каждая стадия переходит в следующую через диалектический скачок в развитии и становится высшей формой движения «материи» права (*corpus juris*) по отношению к предыдущей. Право происходит от нижеорганизованной формы в виде справедливости как свойства человеческого поведения и изначального регулятора,

© Зыков Д.В., 2023

лежащего в основе социогенеза. С появлением древних письменных законов наблюдается эмпирическое рождение феномена права. Это происходит не без участия официальных властей, извлекивших понятие правового из общественных отношений и узурпировавших его в целях самоконституирования и реализации. На следующей стадии развития право позитивируется. Оно превращается в систему особого интерпретационного знания, условную (гипотетическую) реальность. Справедливость преобразуется в концепцию социальной справедливости и концепцию соответствия закону. Право отождествляется с законом, что исключает все иные возможные формы его проявления, обретает признак необходимой связи с государством как своим создателем. Заключительная стадия отражает современное состояние права, когда происходит приращение его содержания как регулятора через интеграцию с информационно-коммуникационными технологиями и антропосферой. Право становится проводником гипотетической сферы разума и объективным механизмом управления обществом. Автор приходит к выводу, что бытие права парадоксально: являясь условной (гипотетической) реальностью, оно в то же время всегда есть хотя бы минимум справедливости, поэтому не случайно применимо к действительности как регулятор.

Ключевые слова: сущность права, существование (местонахождение) права, справедливость, генезис права, стадии развития права, способы эволюции права, диалектические законы движения материи, онтология права

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

The Evolution of the Phenomenon of Law in the Context of Its External Forms and Internal Content

Dmitrii V. Zykov

Volgograd State University

Volgograd, Russia

E-mail: zyk9@yandex.ru

Received 31.08.2023, revised 12.11.2023, accepted 04.12.2023

Abstract. Employing both dialectical and phenomenological approaches, the article delves into the origins of the phenomenon of law and traces the evolution of its external forms and internal (semantic) content. It distinguishes four historical stages in the evolution of law: the genesis of this phenomenon, the emergence of ancient laws, the positivization of law in the 18th – early 19th centuries, and the transformation of modern law into an objective management mechanism of society. It is argued that the dialectical laws (principles) governing the movement of matter serve as the methods of evolution of the phenomenon of law since the historical stages of its development unfolded in accordance with them. Each stage transcends into the next through a dialectical leap in development, becoming the highest form of movement of the “body” of law (*corpus juris*) in relation to the previous one. Law originates from a less organized form, manifesting as justice – a characteristic of human behavior and the foundational regulator underlying sociogenesis. The empirical birth of the phenomenon of law occurs with the advent of ancient written laws.

This process involves the participation of official authorities who extract the concept of the legal from social relations and appropriate it for self-constitution and implementation. At the next development stage, law becomes positive, turning into a system of special interpretative knowledge – a conditional (hypothetical) reality. Equity is transformed into the concept of social justice and the concept of compliance with the law. Law is identified with legislation, excluding all other possible forms of manifestation and acquiring the sign of a necessary connection with the state as its creator. The final stage reflects the current state of law, when its content as a regulator expands through integration with information and communication technologies and the anthroposphere. Law becomes a conduit of the hypothetical sphere of reason and an objective management mechanism of society. The author concludes, that the existence of law is paradoxical: while being a conditional (hypothetical) reality, law is always at least a minimum of justice, making its application to reality as a regulator not a mere coincidence.

Keywords: essence of law, existence (location) of law, justice, genesis of law, stages of law development, ways of law evolution, dialectical laws of movement of matter, ontology of law

Acknowledgements: The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00484/>

For citation: Zykov D.V. The Evolution of the Phenomenon of Law in the Context of Its External Forms and Internal Content, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 117-139. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_117

Введение

Право представляет собой объект исследования, в отношении которого постоянно возникает проблема существования и возможности его рассматривать как предмет или «вещь». Бытие чего-то означает, что это что-то есть где-то, то есть существует, имеет начало и местонахождение¹. В юридической литературе до сих пор ведутся споры по поводу существования (реальности) и сущности права. Это классические вопросы юриспруденции. Но в настоящее время все настолько запутано, что непонятно, можно ли рассуждать о праве как о том, на что можно буквально указать, что вот оно – право.

В настоящей статье речь пойдет об истории бытия права, эволюции форм его внешних (эмпирических) и феноменологических (содержательных) проявлений. Мы предлагаем считать основными историческими стадиями становления и существования данного феномена следующие: генезис права (справедливость), появление древних письменных законов (рождение феномена права), возникновение позитивного права (отождествление права и закона), интеграция феномена права с антропосферой (трансформация в механизм управления обществом). Такая историография не случайна: указанные стадии выделяются в соответствии с диалектическими законами (принципами) движения материи от низших форм к высшим.

¹ Л. Витгенштейн утверждал: «1. Мир есть все то, что имеет место», но при этом не менее важен следующий тезис: «1.1. Мир – совокупность фактов, а не предметов» (Витгенштейн 2010: 22).

Онтология права отличается тем, что она не всегда была и не полностью остается только условной (гипотетической) реальностью, схемой истолкования действительности, она стала таковой в результате длительной эволюции. Как с внешней стороны, поскольку констатируется «физическое» существование права в виде эмпирических источников (форм), указывающих на его наличное внешнее бытие, обладающее незаменимыми регулятивными характеристиками, так и с феноменологической стороны (смыслового содержания), поскольку право всегда есть хотя бы минимум справедливости. Именно это позволяет применять его к действительности как *регулятор*. Сами сущность и существование права телеологичны, нацелены на то, чтобы фактические отношения стали такими, какими они должны или могут быть, и тогда должное становится ожидаемым или хотя бы возможным сущим, *онтологическим долженствованием*. Развернутое обоснование данных тезисов и является целью настоящей статьи.

Сущность и существование феномена права

В рамках методологии постмодерна сущность права и его бытие рассматриваются не как самостоятельные, независимые проблемы, а, скорее, как идентичные или взаимосвязанные. Е.В. Тимошина утверждает: «...проблема конституирования понятия права есть вместе с тем проблема интерпретации бытия права, а, следовательно, ответ на вопрос об образовании общих понятий науки представляется связанным с фундаментальными онтологическими допущениями теории» (Тимошина 2013: 49). На наш взгляд, по аналогии с данной мыслью вполне допустимо утверждение (в терминах классической рациональности), фактически не имевшееся в виду Е.В. Тимошиной (отстаивающей идеалы и нормы постнеклассики), что проблема сущности права есть вместе с тем проблема интерпретации его бытия.

Приведем несколько точек зрения отечественных авторов, подходящих к проблеме конституирования понятия или сущности права одновременно как к проблеме интерпретации его бытия (местонахождения).

По мнению Ю.Е. Пермякова, «теория права – это наука о языке, она изучает реальность особого рода – общение субъектов права перед лицом официальной инстанции. Теория права формулирует правила (закономерности), соблюдение которых обеспечивает правовым суждениям юридическую силу и официальный характер» (Пермяков 2007: 52). Из этого можно сделать вывод, что для данного автора право не обладает собственной предметностью, его сущность находится в правовых суждениях, а «правовым какое-либо суждение становится благодаря форме утвердительных суждений о статусе человека и судьбе (принадлежности) вещи» (Пермяков 2005: 3). В подобной интерпретации бытие права находится только в головах людей, их сознании, мышлении и структуре языка (форме утвердительных суждений), на котором происходит общение о статусе человека и принадлежности вещи, что, собственно, не противоречит психосоциальной реальности права, как и иных социальных норм и ценностей. Однако остается вопрос: только ли в закономерностях языка и головах людей находится

и всегда находилось бытие права? Очевидно, что сущность права в такой интерпретации его бытия оказывается просто лингвистической величиной, фигурой речи, хотя и обладающей своими особенностями.

В.Ф. Попондопуло подвергает критике «...определения сущности права через внешние по отношению к человеку, как носителю права, факторы (теория позитивного права, теория естественного права и им подобные). Сущность права определяется из волевых заинтересованных действий самих индивидов как результат их типизированного фактического взаимодействия, выраженный в соответствующих правилах поведения, признаваемых в обществе и потому общеобязательных (деятельностные, коммуникативные теории права)» (Попондопуло 2016: 68). Из данного определения следует, что под выделяемой возможной сферой местонахождения (бытия) права в виде типизированного взаимодействия индивидов фактически понимается его сущность. Однако думается, что в фактическом взаимодействии индивидов кроются начала правообразования, но не сущность права. Также представляется правомерным следующее возражение. Если этот результат взаимодействия стал типизированным, нормативным, абстрагированным в законодательстве (очевидно, что он таким стал), разве не будет допустимым следующее утверждение? Право отныне представляет собой нечто внешнее по отношению к индивиду, именно после того, как эти взаимодействия очень долго кристаллизовались в основные повторяющиеся юридические институты. И теперь не право возникает из типизированного фактического взаимодействия индивидов, а, скорее, индивидам предписывается определенное типизированное фактическое взаимодействие.

Сложно согласиться и с выводом Е.В. Тимошиной: «Соответственно теоретико-правовое знание едва ли может рассматриваться как отображение объекта (права) в адекватном ему мыслительном образе, но представляет собой протекающую в определенном социокультурном контексте опосредуемую языком intersubъективную деятельность по рациональному конструированию предмета познания, что обуславливает его контекстуальность, историчность, вариативность, принципиальную незавершенность» (Тимошина 2013: 75). Выходит, право является исключительно результатом чьего-то замысла, продуктом перманентной и вариативной конструктивистской рациональной деятельности², теоретическим объектом, лишенным хоть каких-то зачатков и отображений в эмпирической реальности, не имеющим собственной сущности, а его бытие допускает неограниченное множество интерпретаций в зависимости от онтологических допущений теории (теорий).

Есть также мнение, что право имплицитно и имманентно самой природе человека как социального существа. Н.Н. Тарасов высказывается на этот счет следующим образом: «...юриспруденция связана не с теоретически выделенной сферой общества (экономика, политика), а с обществом вообще, поскольку право – институционально – компонент всех сфер и в

² Более подробно о рационалистическом конструктивизме, энактивизме и эпистемологическом реализме см.: (Лекторский 2015; Лекторский 2019).

этом смысле может претендовать на непосредственную принадлежность к общественно-исторической практике вообще. Следовательно, и юридическая наука вынуждена стремиться максимально «приближаться» к реальной жизни» (Тарасов 2001: 32).

Однако, на наш взгляд, необходимо разграничивать сущность или конституирование понятия (определение смысла такой «вещи», как право) и бытие (происхождение, существование, местонахождение, становление права) как самостоятельные, не всегда взаимосвязанные проблемы. При таком подходе сущность права не является целью настоящего исследования. В этом мы придерживаемся классической точки зрения, которую выражает, например, М.Л. Давыдова, когда пишет: «...именно *регулирование* общественных отношений выступает такой определяющей чертой права, которая характерна для любых правовых систем, всех исторических эпох, не зависит от активности государственного участия и защищаемых интересов, то есть составляет *сущность права*. Сущность в такой трактовке не отвечает на вопросы “откуда?”, “зачем?”, “в чьих интересах?”, так как ответы на эти вопросы могут быть совершенно различными для разных стран и эпох, и значит, характеризуют многообразное *содержание* права» (Давыдова 2009: 58).

Есть биофизическое существование со своими критериями, отображаемое нашим психическим аппаратом, опосредованно воспроизводимое мышлением, а есть сверхорганическое, психосоциальное, метафизическое, сознательное, узнаваемое по своим действиям и причинам. Это разные модусы существования. Есть текст и есть смысл того, что в нем написано. Есть денежные знаки на купюрах и монетах и есть выраженная ими стоимость, покупательная сила. Есть ноты и есть заключенная в них музыка. Вещи и понятия (идеи) существуют, но существуют по-разному. К примеру, материальный объект можно разрушить, но попробуйте уничтожить понятие (идею). Мы видим в вещах, в поведении людей по отношению друг к другу, в жизненных ситуациях не только внешнее проявление, но и нечто внутреннее. И знаем, что смысл поведения образует неразрывную связь с внешним проявлением, как правило, его сущность. И вполне естественно задаться вопросом: где находится этот внутренний смысл поведения, только ли в головах людей?

На этот вопрос можно начать отвечать пояснениями М.К. Мамардашвили относительно *понимания как фундаментального способа человеческого бытия* в учении М. Хайдеггера, когда как раз на примере правовых законов он писал: «...помимо всего прочего, что в них содержится, в них есть еще одна сторона: законы эти существуют, воспроизводятся в пространстве и времени в зависимости от того, что в каждый данный момент находится энное число людей, которые эти законы понимают, то есть для которых закон вырастает из невозможности жить иначе, из совершенно неизбывной потребности в этих законах. Вот лиши их этих законов, и жизнь не имеет смысла» (Мамардашвили 2012: 269-270).

Понимание является экзистенциальным условием человеческого бытия в целом и, соответственно, психологической основой права, а также иных социальных норм. Но речь здесь не только об этом, важнее другое.

Сами законы изначально вырастают из невозможности жить иначе, из совершенно неизбежной потребности в них.

Разъясняя суть феноменологии, М.К. Мамардашвили констатирует возможность неразложимого сращения в нашем сознании вещи и ее свойства, которое в действительности этой вещи может быть не присуще. Философ подчеркивает, что, кроме объективного способа описания вещей и процессов, возможен и должен быть в науке такой способ, который реконструирует феноменологическую действительность. И на конкретном примере утверждает: «А феноменологической действительностью экономического мира является естественное представление о том, что стакан рождается с ценником и цена есть свойство этого стакана. *Значит, мы получаем два среза анализа: внешний и феноменологический*» (курсив наш. – Д.З.) (Мамардашвили 2012: 161-162).

Справедливость как первооснова права

Теоретический уровень познания в целом и правопознания в частности очень усложнился за последние века. Однако очевидно, что так было не всегда, и наши далекие предки не сразу пришли к оперированию идеальными понятиями и достижениям абстрактного мышления. И сегодня несомненны утверждения древних римлян, что «право возникает из фактов», «где общество, там право». Г.А. Гаджиев отмечает: «Базовый концепт классической римской юриспруденции *ex facto oritur jus* не только выражает очевидный момент практики правообразования, но и заключает в себе *фундаментальный феноменологический смысл*: юридическое начало правообразования заключено в самом факте социального общения» (курсив наш. – Д.З.) (Гаджиев 2019: 8-9). Генезис права является диалектическим процессом превращения доправовой социоприродной нормативности в правовую, социокультурную. Правопорядок определяется изначально собственными правилами социального порядка или, выражаясь в духе О. Эрлиха, он вырастает из внутреннего порядка человеческих союзов, возникающего спонтанно и никем не изобретенного (Эрлих 2011).

Ф. Хайек очень точно конкретизирует эти идеи в виде единой формулы: «Поскольку мы живем в обществе и можем удовлетворять большинство наших потребностей только за счет различных форм сотрудничества с другими людьми, возможность достижения наших собственных целей, очевидно, зависит от того, в какой степени действия других людей, важные для выполнения наших планов, будут соответствовать тому, чего мы от них ждем» (Хайек 2016: 54)³. Такие адаптированные экспектации взаи-

³ Также автор отсылает к первоисточнику этой идеи, цитируя малоизвестную работу Дж.К. Картера, который замечал: «Все иски одного человека к другому, будь они гражданского или уголовного характера, возникают из того факта, что было сделано нечто обратное тому, что, по мнению истца, должно было быть сделано» (Carter 1907: 59). И далее: «Великое общее правило, изначально направляющее действия людей, а именно, что они должны соответствовать законным ожиданиям, является, плюс ко всему, еще и научной истиной» (Carter 1907: 331).

мовыгодны и, главное, аксиоматичны для нормальных членов общества, а потому интуитивно, даже инстинктивно, понятны. Ведь на все формы поведения, соответствующие этому великому общему правилу, реакция будет положительной как на нормальные, желательные проявления. А на все не согласующиеся с ним реакция будет отрицательной как на ненормальные, нежелательные проявления.

Социальность человека, невозможность его существования вне общества, наложила на агрессивные инстинкты и эгоистическое поведение известные ограничения в виде моральных и религиозных (а впоследствии и правовых) форм социального контроля, прививаемых в процессе социализации и воспитания. Способность симпатии к себе подобным есть основа общественного инстинкта. Человек – единственное существо, которое способно сравнивать свои прошлые и будущие поступки и побуждения, одобрять одни и осуждать другие. Это и есть *совесть* – нравственное качество, которое составляет его самое большое отличие от животных.

Развитие способности к рассуждению и опыта приводят к тому, что последствия поступков отдельных индивидов и их влияние на общее благо становятся предметом общественного мнения, подвергаются одобрению или осуждению. Критерием определения поведения члена группы как хорошего или плохого являлась его полезность для данной группы. Это та первая общественная оценка и первая необходимость соотносить свое поведение с неписаными правилами, суть которых формируется путем долгого опыта, открывающего сознанию его носителей, что вредно и что полезно для выживания группы. Легко представить и понять очевидность неодобрения и порицания группой отдельного дикаря в пещере, съевшего свой кусок мяса, а затем забравшего чужой у ребенка, женщины или старика. Ведь так не ведут себя в семье или обществе себе подобных. А мы все родом из детства, и наши далекие предки родом из детства. Группа не могла не порицать даже самых неуправляемых и агрессивных своих членов за вредное для нее поведение и, наоборот, одобряла поведение, в котором заинтересованы все.

Вне всякого сомнения, человеку как живому организму свойственны все основные биологические инстинкты. Но также он испытывает не менее мощное воздействие качественно иных стимулов, порой даже преобладающее над базовыми стимулами пищевого, оборонительного или полового инстинктов. Ими являются социальные нормы морали, религии, права, которые одновременно выступают ограничителями инстинктов⁴.

«Во всех человеческих сообществах, у всех народов, – пишет Г.А. Гаджиев, – в той или иной степени появляются одни и те же потребности, ожидания. Одна из них – это *потребность в справедливости*. Именно эта потребность способствует тому, что у разных народов формируются при-

⁴ Ф. Хайек так поясняет данную мысль: «Человек – животное, не только преследующее цели, но и следующее правилам. Он добивается успеха не потому, что знает, почему должен подчиняться тем правилам, которые он соблюдает, или хотя бы способен выразить все эти правила словами, а потому, что его действия и мышление подчинены правилам, которые развились в обществе в результате отбора и, таким образом, представляют собой опыт поколений» (Хайек 2016: 30).

мерно одинаковые юридические концептуальные взгляды» (курсив наш. – Д.З.) (Гаджиев 2019: 285).

Генезис права непосредственно связан со справедливостью и самой социальностью, а справедливость, подчеркивает Ф. Хайек, является свойством человеческого поведения (Хайек 2016: 199-202). Как «стакан рождается с ценником, и цена есть свойство этого стакана» в экономическом мире, так и человек рождается с моральным сознанием той или иной степени развития и является единственным существом, которому свойственна совесть. Поэтому справедливость образует неразложимое сращение с нашим поведением, как вещь и ее свойство⁵.

Но даже если мы признаем наличие такой естественной потребности человека, как стремление к справедливости, все равно остаются вопросы. Действительно ли именно она, а не какая-то другая потребность (например, в безопасности, целесообразности, свободе) определяет сущность и содержание права? Над этим вопросом задумывались многие. К примеру, Г. Радбрух считал смыслом права стремление к идее права. В этой идее он вычленял три составляющих: справедливость, целесообразность, порядок. На первую ориентировано само понятие права как достижения равенства («как одинаковое регулирование равных и соответственно неодинаковое различающихся людей и отношений»). В *воле к справедливости* немецкий мыслитель и усматривал *сущность права*. Содержанием же права он считал все три принципа: справедливость, целесообразность и стабильность вместе «правят» правом, хотя могут иметь друг с другом острые противоречия. Об их антиномиях Г. Радбрух писал следующее: «Природа вопроса о действительности права такова, что судить о нем можно не только с точки зрения правовой стабильности, но и справедливости и целесообразности. В различные эпохи приоритет отдавался различным из них». Разрешение этих противоречий он считал важнейшим делом жизненного процесса. «И сколь бессмысленным было бы существование, если бы мир в конечном счете не был бы решением жизненных противоречий» (Радбрух 2004: 90-91). Его рассуждения не содержат расхождений, поскольку основой понятия права философ считал только справедливость.

В дополнение к этому заметим, что другие фундаментальные потребности в виде стабильности, целесообразности, свободы, с позиций которых оценивается право в различные исторические эпохи, не могут претендовать на роль его субстанции. Они сами являются порождением правил справедливого поведения, когда ожидания друг от друга живущих совместно людей ежеминутно оправдываются. Именно на основе такой оправданности взаимных ожиданий возникает и безопасность (внутренняя

⁵ В то же время необходимо помнить слова М.К. Мамардашвили о возможности сращения в нашем сознании вещи и ее свойства, которое в действительности этой вещи может быть не присуще. Среди представителей человеческого рода есть особи, бытийствующие как бы вне человеческого мира, за гранью добра и зла и, соответственно, лишённые такого дара, как совесть; им как нелюдям не присуще моральное сознание, недоступно (или заблокировано) это «измерение», хотя биологически они имеют отношение к людям.

и внешняя), и стабильность (упорядоченность), и целесообразность (кооперация, сотрудничество), и свобода (в равенстве). В противном случае невозможно объяснить, как человечество не вымерло на стадии животного царства или палеолита.

Право в первую очередь воспринимается нами как способ достижения и реализации справедливости, а только потом как способ обеспечения безопасности, стабильности, целесообразности, свободы. Среди множества определений права как *Existenzminimum* нравственности⁶ общепризнанной является опять же аргументация Г. Радбруха, сформулированная в его популярной статье «Законное неправое и надзаконное право» и известная как формула Радбруха (Радбрух 2004: 228-238). Законным неправом он называл аморальные законы и отрицал их обязательность для судей. В качестве критерия выступает их «вопиющая несовместимость со справедливостью», дегуманистический характер, в них сознательно отрицается равенство, а к справедливости даже не стремятся. Примерами могут служить законы, направленные на признание отдельных рас и национальностей неполноценными, на признание нормальным геноцида, апартеида, пыток, насильственного перемещения населения и других преступлений против человечности. Г. Радбрух писал: «...право, включая и позитивное, нельзя определить иначе, чем порядок и совокупность законов, призванных по сути своей служить справедливости. И этому критерию право нацистов не отвечает ни в целом, ни в отдельных его частях» (Радбрух 2004: 233).

Диалектические законы движения материи и исторические стадии развития права

По нашему мнению, к вопросу о формах и содержательных характеристиках бытия права нужно подходить диалектически и исторически. С известной долей условности можно говорить, что право или понятие правового прошло несколько стадий развития и превращений сфер местонахождения. При этом мы утверждаем, что стадийные изменения совершались в строгом соответствии с диалектическими законами движения материи.

Первая историческая стадия – генезис феномена права. Доправовым выступает время архаики, первобытно-общинного строя, палеолита. Единственным ориентиром нормального регулирования, направленного на выживание отдельных групп людей, следует считать общие правила справедливого поведения. Данные правила были не только не записаны, но и не сформулированы; они имплицитно существовали в самом поведении

⁶ Среди отечественных философов, убежденных в неразделимой связи права с нравственностью и выдвинувших данный тезис раньше Г. Радбруха, выделим В.С. Соловьева, который утверждал: «...право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» (Соловьев 2001: 35). «Задача права во все не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад» (Соловьев 2001: 42).

и сознании, им следовали интуитивно, понимая их смысл и необходимость. На этой стадии вещь (поведение) и присущее ей свойство (справедливость) сращены в единое целое, не разграничены.

*Высшие формы движения материи возникают из низших*⁷. Справедливость как свойство нашего поведения (содержательная, смысловая характеристика социального общения) является той *нижеорганизованной* субстанцией, от которой происходит право и начинается его эволюция. Ничто не берется из ниоткуда, все возникает из нижеорганизованной формы, как учит теория эволюции (Дарвин 2013: 1-14). Начала правообразования исходят из «правил общежития» (Шершеневич 2010: 134), другими словами, из «общих правил справедливого поведения» (Хайек 2016: 23). «Вначале закон (lex) был формулой *справедливости* (ius)» (Stein 1966: 20).

На начальной (дописьменной) стадии развития права⁸ *внешней* формой правового выступает само поведение как сдержанное и предусмотрительное, ориентированное на одобрение группой, оправдывающее ожидания других; *внутренним* содержанием – представления о должном как соответствии деяния и воздаяния, прав и обязанностей, ожиданий и действий; поиск и формирование понятия справедливости как необходимой формы нормальности общения.

Вторая историческая стадия – возникновение древних памятников права (законы Эшнунны, ассирийские законы, кодексы Липит-Иштара, Хаммурапи, Урукагины, Ур-Намму и т.д.) как его первых письменных

⁷ Ф. Энгельс не выделял в виде четких сентенций формы движения материи согласно законам диалектики. Но соответствующие положения, из которых можно сделать такие выводы, безусловно, содержатся в его «Диалектике природы», главном труде по философии естествознания (Энгельс 1961b). Формулировки данных положений как сентенций принадлежат советским марксистам. Так, коллектив авторов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, готовивших второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в предисловии к двадцатому тому впервые (насколько мы можем судить об этом) определил: «Каждая низшая форма движения переходит посредством диалектического скачка в высшую форму. Каждая высшая форма движения содержит в себе как подчиненный момент низшую форму, но не сводится к ней. На основе этого учения о формах движения материи Энгельс строит диалектико-материалистическую классификацию естественных наук...» (Маркс, Энгельс 1961: 19). Мы, в свою очередь, пользуемся формулировками, которые предложил отечественный философ-марксист С.Э. Крапивенский (Крапивенский 2003: 42-43). Кроме того, диалектика – это «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (Энгельс 1961a: 145). Используемые формулы нами также обозначены как диалектические законы и применены в отношении способов возникновения и развития понятия правового.

⁸ Н.Н. Тарасов по поводу этапов и способов возникновения юридических понятий отмечает следующее: «Судя по всему, на первом этапе “юридическое” осознание явления, не опосредованное рефлексией, является простым обозначением некоторых событий или действий. Научного значения такое наименование не имеет, так как пока “склеено” с самим действием, не выделено из него. В пример можно привести архаическое право, где те или иные названия соотносятся с юридической действительностью исключительно в силу обозначения ими конкретных действий, считающихся юридическими» (Тарасов 2015: 10).

источников⁹, что положило начало феномену законодательства как систематической последовательной деятельности, обеспеченной государственным принуждением, и размышлениям на тему сознательного регулирования общественных отношений. Появление законодательства ознаменовало собой новую эру в развитии человечества, поскольку позволило ему сильнее, чем когда-либо, вторгнуться в собственную эволюцию¹⁰.

Высшие формы движения материи включают в себя низшие. Справедливость как понятие начинает монополизироваться властью в том виде, в каком она есть. Можно сказать, что на этой стадии она абстрагирована из совокупности жизненных ситуаций и поведения человека посредством фокусировки именно на данных казусах и представлениях в древних законах. Она становится важной частью нормативно-правовых установлений суверена, но еще не концептуализирована, функционирует автономно в обычаях, прецедентах, религиозных представлениях. Право на этой стадии начинает теократизироваться.

Правовым явлением (проформой) становится неразложимое сращение уже не поведения и справедливости как его ненаблюдаемого свойства, а сращение в нашем сознании наблюдаемого текста, ненаблюдаемой и пока еще более или менее казуальной воли конкретного суверена (как источника формулировок) и ненаблюдаемого обязательного минимума справедливости как одного из критериев легитимности власти. Право обретает антиномическую связь с официальной властью¹¹, включая наличные представления о справедливости (учитывая ее как свою нижеорганизованную форму), но в то же время начинает гипостазировать и реифицировать¹² другие обширные смыслы, нужные власти.

На стадии письменного воплощения нижеорганизованная форма движения – справедливость как свойство поведения – совершает диалектический скачок к вышеорганизованной форме. *Внешней* формой права становится визуализированный и сакрализированный письменный текст. *Внутренним* содержанием выступают уже не невидимые взаимные положительные справедливые ожидания и намерения взаимодействующих индивидов.

⁹ Г.Ф. Шершеневич объясняет необходимость письменного формулирования правил поведения минимум тремя факторами – увеличением количества самих правил, ростом численности групп, объединяющихся в большие общества, и усложнением их состава, нарушением однородности этих групп (Шершеневич 2011: 126-127).

¹⁰ До этого казалось, что право есть способ не создавать что-то, но применять, использовать нечто такое, что было и прежде: обычаи, религиозные догматы, табу, казусы, авторитетные мнения. По замечанию Б. Рехфельда, изобретение законодательства стало революционным событием, по своей значимости превосходящим даже изобретение огня или пороха, поскольку предоставило в руки человечества его собственную судьбу (Rehfeld 1951: 67).

¹¹ Более подробно об антиномии права и власти см.: (Хорошильцев 2011).

¹² Об эпистемологическом оправдании гипостазирования и реификации, которые чаще всего «...не осознаются как особого рода когнитивные практики и не эксплицируются эпистемологами и методологами» (курсив наш. – Д.З.), см.: (Микешина 2010). О реификации в юриспруденции и ее провозвестниках см.: (Todd 2014).

С феноменологической точки зрения именно здесь *рождается феномен права*. С одной стороны, его содержанием выступает конкретная историческая воля законодателя (персонифицированного суверена), извлекая феномен права из общественных отношений как целенаправленный инструмент управления поведением людей и выстраивания архитектуры необходимых власти смыслов, налагаемых на биофизическую и социальную реальность. С другой стороны, антиномически содержанием феномена права остается память о связи со справедливостью как своей основой (на этой стадии она отодвигается на задний план), единственно способной к ограничению властной воли путем ее легитимации или обесценивания.

Право стремится существовать в форме интерпретации, официальной схемы истолкования действительности. Но еще не существует окончательно: требования древних законов исполняются спорадически, непоследовательно, не автоматически. Сила обычаев, саморегулирования, традиций, религиозных представлений еще длительное время будет велика (вплоть до возникновения концепции позитивного права, отождествляющего его с законом). А власть еще долго продолжит реализовываться произвольно, в форме насилия, приказов и манипуляций сознанием посредством религии, мифологии, символизма, пропаганды.

Третья историческая стадия – отождествление права и закона в позитивистских концепциях и реальной правотворческой практике. В этот период происходит очередной диалектический скачок из состояния фрагментарности, противоречивости правового регулирования в форме обычаев, традиций, прецедентов, эклектичных древних и средневековых законов, административных, судебных, корпоративных практик, авторитетных мнений юристов (и прочих форм «свободного» поиска права, по выражению О. Эрлиха) к появлению систематизированного законодательства как единственной последовательной и целенаправленной формы конституирования, реализации власти и упорядочивания общества и, соответственно, единственной формы права, исключаяющей все остальные¹³.

Отныне право позитивируется как система норм, созданных законодателем, является продуктом интеллектуальной деятельности, формальным человеческим изобретением, результатом чьего-то замысла (*внешняя сторона анализа*). С феноменологической точки зрения право становится *эмпирической интерпретацией теории* (*внутренняя сторона анализа*)¹⁴.

¹³ Формирование данной стадии происходило в XVIII – начале XIX в. под влиянием Эпохи Просвещения, Французской революции, кодификации Наполеона и таких идей, как суверенитет народа, представительная демократия, разделение властей и конституционализм. Более подробно см.: (Бульгин 2011).

¹⁴ Чтобы не возникло ощущения, что в рамках данной статьи развиваются идеи правовой герменевтики, подчеркнем следующее. Герменевтика есть метод истолкования текста. Интерпретационное предложение связывает воедино теорию и эмпирию, то есть это не метод. Это знание с особым статусом, которое также возможно интерпретировать (подвергать интерпретации интерпретацию); осмысление данного механизма не является нашей целью.

Феномен права превращается в знание с особым статусом, когнитивное образование кентаврового типа, не являющееся ни чисто теоретическим, ни чисто эмпирическим. Подобно всякому интерпретационному предложению, право как нормативная система не имеет собственной онтологии.

С.А. Лебедев, исследуя природу интерпретационных предложений, разъясняет: они, несмотря на то что имеют логическую форму «А есть В», не являются суждениями, а суть именно *определения*. Это условные соглашения о значении терминов, к ним не применяются характеристики истинности или ложности. «Они могут быть лишь эффективными или неэффективными, удобными или неудобными, полезными или бесполезными. Одним словом, интерпретационные предложения имеют инструментальный характер, их задача – быть связующим звеном (“мостом”) между теорией и эмпирией» (Лебедев 2010: 68)¹⁵.

Юридические нормы не настолько обязаны соответствовать действительности, насколько действительность должна соответствовать их требованиям¹⁶. Окружающая действительность подвергается эмпирической интерпретации (нормировке) на предмет ее соответствия или несоответствия определениям юридической теории со всеми вытекающими физическими последствиями¹⁷. Право на данной стадии начинает определять формаль-

¹⁵ С точки зрения права я – это не конкретный биофизический организм или индивидуум, я – это усредненный абстрактный субъект права, наделенный правоспособностью, физическое лицо. Это не дно моря, это континентальный шельф, часть юридического пространства страны. Это не женщина или мужчина в мантии, это беспристрастный суд. Это не забор, это государственная граница. Это не здание, это Правительство РФ. Это не убийство, запрещенное законом, это военное действие, и здесь причинение смерти противнику есть подвиг. Это не палка с куском ткани, это флаг и т.д.

¹⁶ В философии науки выделяют два универсальных способа образования понятий. Первый – путем мысленного перехода от наблюдаемых свойств эмпирических объектов к предельным логически возможным значениям их интенсивности, вплоть до возникновения идеального объекта. Второй – путем введения понятий по определению или гипотетически для решения теоретических и логических проблем (Лебедев 2010: 65-69). С.А. Лебедев также разъясняет, что способ образования понятий в виде их введения по определению получил распространение лишь в математике, математической логике, теоретической лингвистике и др. (Лебедев 2010: 65). С недавних пор в ряду наук, использующих в качестве основного способа конструирования своих понятий их введение по определению, юриспруденция занимает почетное место, и право не случайно считается (с существенными, хотя и не столь очевидными оговорками) «математикой свободы» или одним из логико-языковых исчислений действительности. На первых этапах своего существования и функционирования право как общее понятие возникает с помощью первого способа, путем абстрагирования из эмпирически наблюдаемого поведения членов группы такого свойства поведения и своей проформы, как эмпирически ненаблюдаемая справедливость. В дальнейшем правовые явления преимущественно вводятся по определению. Первый способ образования понятийного ряда юриспруденции сегодня занимает подчиненное положение или вообще является делом прошлого.

¹⁷ По нашему мнению, корреспондентская теория истины не распространяется на юриспруденцию в целом, только на отдельные ее части и аспекты, в частности, при установлении фактической основы в правоприменении и правотворчестве. Более подробно об истине в праве см.: (Антонов, Оглезнев 2020; Булыгин 2008).

ные общеобязательные смыслы, связывать теорию и практику, оно действительно похоже на особое интерпретационное предложение¹⁸, выглядит соответственно, то есть не имеет собственной онтологии. Но с необходимыми оговорками, иначе это уже не может быть историей его бытия (о чем речь пойдет далее). Если верно, что право трансформировалось в интерпретационное предложение, может показаться, что оно не отличается от простой лингвистической величины, номинации¹⁹. Но возможна ли полная деонтологизация права – отнесение его только к миру должностования? Очевидно, что нет²⁰. При отсутствии минимума справедливости его содержания, имеющей онтическое значение, право превращается в неправо²¹.

¹⁸ О том, что право является просто интерпретацией, заявлял Г. Кельзен: «*Норма функционирует в качестве схемы истолкования* (курсив наш. – Д.З.)» (Кельзен 1987: 15). В итоге он пришел к следующему выводу: «Следовательно, всякое произвольное содержание может быть правом» (Кельзен 1987: 117). Тем самым он очистил право от всего фактического, в том числе от гипотетического происхождения из общих правил справедливого поведения.

¹⁹ Однако здесь хотелось бы вспомнить парадоксальное возражение К. Поппера, косвенно имеющее отношение и к нашей проблематике: «В той мере, в которой исчисление применимо к реальности, оно утрачивает характер логического исчисления и становится описательной теорией, которую можно опровергнуть эмпирически; если же его истолковывают как неопровержимое, т.е. как систему логически истинных формул, а не как описательную научную теорию, оно не применимо к реальности» (Поппер 2008: 352). Право (как одно из логических исчислений, способное становиться собственной противоположностью, а именно эмпирически опровержимой описательной теорией) применимо к реальности только при учете *скорректированности* своего содержания требованиями обуславливающей его действительности на основе обратной связи об уровне беспорядка в обществе. Иначе это не правовое регулирование, а обычный произвол и насилие либо имитация регулирования, параллельно в виде фасада, существующего по отношению к действительности (случаев правового идеализма из истории, когда законы превращались, напротив, в совокупность «логически истинных» формул, не имеющих ничего общего с действительностью, можно вспомнить в избытке).

²⁰ Своеобразие мира должностования права проявляется в том, что оно стремится к единству с наличной реальностью и «выходит» в реальную жизнь по трем направлениям. Во-первых, сама сущность права как регулятора, по меткому выражению С.С. Алексеева, *заряжена* на то, чтобы «фактически существующие отношения стали такими, какими они *должны или могут* быть (и стало быть, чтобы “должное” стало ожидаемым или просто возможным “сущим”)». Во-вторых, сама сущность права как регулятора в том, чтобы «...обеспечить предельную определенность складывающихся фактических отношений, а также прочность, надежность гарантий и преимуществ, которые дает право людям». В-третьих, «не упустим из поля зрения и то, что для мира права характерна и реальность (“сущее”), отличающаяся зримыми, осязаемыми внешними характеристиками, с которыми сопряжено само бытие позитивного права» (Алексеев 1999: 389-390). Речь идет об источниках (формах) права в виде, прежде всего, законов, которые как раз и придают установленному праву предельную определенность, обеспечивают прочность и надежность присущих ему гарантий.

²¹ Именно справедливость генетически придает онтологический статус праву. На данной стадии развития постепенно становится очевидным, что всякий раз, когда мы наполняем законы несправедливым содержанием, не оставляя в них даже ее минимума, в итоге это выливается в фашистские факельные шествия, испанскую

Высшие формы движения материи подчиняют себе низшие и преобразуют их. На третьей стадии развития права справедливость (его субстанция) становится концепцией справедливости как соответствия правовым велениям, нормативным предписаниям, изложенным в законах. Это не значит, что искажается изначальный смысл справедливости как условия социальности. Он просто окончательно подчиняется законом и властью, как бы замораживается, консервируется. И в то же время преобразуется из требования о должном (как соответствия наших ожиданий тому, что должно быть сделано или не сделано другими людьми по отношению к нам или как эквивалентность деяний и воздаяний, труда и оплаты и т.д.) в социальную справедливость или представление о справедливых отношениях индивида и общества. Это заключается в обеспечении равных возможностей, распределении материальных благ, социальной мобильности и циркуляции индивидов в социальной иерархии, балансе в объеме прав и обязанностей посредством таких социальных институтов, как налогообложение, здравоохранение, страхование, пенсионное обеспечение, государственные услуги и обязательства, профсоюзы, защита семьи и детства, бесплатное образование и т.п. Человек и общество вступают в отношения взаимозависимости, словно должник и кредитор. Ведь, живя в обществе, человек пользуется его благами, и если он нарушает правила общежития, общество превращается, по словам Г.А. Гаджиева, в «обманутого кредитора», который найдет способ заставить заплатить за причиненный вред (Гаджиев 2019: 7).

Внешней формой права становится система законодательства как совокупность парадоксальных текстов, которые описывают действительность в форме предписаний, какой она должна или может быть. Формами проявления права признаются только нормы, установленные или санкционированные государством. С одной стороны, признак связи права с государством как единственным его творцом объявляется атрибутивным, субстанциальным; с другой – постепенно осознается, что справедливость так или иначе связывает, ограничивает государство. Как бы ни теоретизировали и ни подчиняли понятие справедливости, она есть *истинная* субстанция права, существует независимо (в качестве универсалии) от включенности в состав позитивного права, подчинения и преобразования последним.

Внутренним содержанием становится воля абстрактного законодателя (воля государства, господствующего класса, гражданского общества, международного сообщества, «духовно-каузальной элиты») как источник правового, который нужно истолковывать в соответствии с правилами, обусловленными какой-либо теоретической моделью права (правопониманием, методологией). Право начинает выступать интерпретационной схемой действительно-

инквизицию, красный террор, окончательное решение еврейского вопроса, расчеловечивание и рано или поздно вызывает протест, отмену, правосудие, отвращение, стыд и позор. Более подробно о неразрывной связи права и морали см.: (Булыгин 2009). Тонкости соотношения онтологии и деонтологии права убедительно показывают в своих работах С.И. Максимов и А.В. Стовба, говоря об *онтологическом должном* (Максимов 2002; Стовба 2016).

сти, фикционной юридической реальностью²² (наполненной иллюзионизмом в виде юридических конструкций, нормативных предписаний, аксиом, фикций, презумпций, правовых символов)²³, инструментом без собственной онтологии, особым знанием или *как бы* знанием, связывающим теорию и эмпирию. Однако с существенными оговорками. Право всегда есть хотя бы минимум справедливости (ограничивая тем самым условность и фикционность юридической реальности), иначе это неправо и не может применяться к реальности в качестве регулятора. В свою очередь, справедливость как все еще остающееся свойство нашего поведения очевидно имеет собственную онтологию, поскольку является одной из базовых потребностей.

Четвертая историческая стадия – интеграция законодательства с информационно-коммуникационными технологиями. В результате кажется, что право становится проводником гипотетической сферы разума (ноосферы), в границах которой происходит взаимодействие общества и природы.

Высшие формы движения материи не сводятся к низшим. Феномен права, заимствовав содержание из нижеорганизованной первоосновы (связь с которой невозможно разорвать без превращения в неправо), образовав антиномическую связь с официальной властью и воплотившись в систематическом законодательстве, приращивает свое содержание как регулятор. Внешняя форма и внутреннее содержание феномена права кажутся парадоксальными, поскольку впервые *как будто совпадают*.

Внешней формой оказывается все то же законодательство, но уже усовершенствованное. Правовое регулирование становится намного более эффективным, бесконечно умнее отдельно взятого индивида. Феномен права приобретает дополнительную сложность посредством приращения своего содержания связью с техносферой, в чем и заключается новый диалектический скачок. Право переходит от простого «бумажного» законодательства прошлых веков через связь с техникой и средствами коммуникации к современному автоматизированному, оцифрованному, овеществленному, материализованному до степени «наблюдаемости» виртуальному пространству норм, баз данных, связи, коммуникации. На этой стадии феномен права достигает высшей формы движения, превращаясь в объективный управленческий механизм на основе обратной связи об уровне беспорядка, перманентно корректирующий свое содержание для установления адаптивного соответствия и дальнейшего, своего и общества, развития. Экономическое, политическое, социальное, культурное развитие происходит посредством изменений в архитектуре права.

Внутренним содержанием феномена права становится бытие разума, разумная человеческая деятельность как определяющий фактор эволюции. Бытие разума, общественное сознание начинает «рефлектировать», отображать самое себя в бытии права и его современной форме – тотальном законодательстве, а поведение людей, напротив, становится буквально «механическим» следствием, отображением, воплощением действия права.

²² Более подробно о фикционализме в юриспруденции см.: (Gawthorne 2013).

²³ Более подробно о юридической технике см.: (Давыдова 2009).

В силу своей тотальности современная правовая система (управленческий механизм) воспринимается как обладающая признаками трансцендентального субъекта истины, по принципу всеобщности и необходимости охватывающего общество целиком и полностью, логически (не хронологически и не генетически) предшествуя этому обществу, являясь упорядочивающей его формой или условием существования в его нынешнем облике. Такое развитое законодательство буквально, «осязуемо» становится формой и мерой свободы (Сырых 2001; Нерсесянц 2002), «фреймами» и «скриптами» человеческого поведения и возможностей. Большое значение приобретает юридическое мышление как фактически вместилище сущностной информации и наиболее важный проводник сферы разума. Такое мышление выступает интерфейсом (границей) и проводником (переводчиком) между теоретическим и эмпирическим мирами (языками).

Заключение

Применение диалектического и феноменологического подходов к анализу возникновения, становления и развития феномена права позволяет сделать ряд выводов.

Современное право как сложное явление (высшая форма движения материи) произошло из близкого ему по сущности (но нижеорганизованного) регулятора в виде справедливости. Справедливость есть основа социогенеза, элементарного человеческого общежития, воздействующая на совместно живущих людей во избежание деградации отношений и распада коммуникации. Справедливость как свойство человеческого поведения оказывается экзистенциальным изначальным регулятором общественных отношений, который заложен в самой природе человеческой социальности. Изначально внешней формой права выступало поведение людей, оправдывающее взаимные ожидания, когда удовлетворение потребностей зависит от действий другого (например, зависимость младенца от матери, древних охотников друг от друга на охоте, общины от охотников, обороняющихся при вражеском нападении, контрагентов в договоре, самого факта социального общения). С феноменологической точки зрения именно справедливость оказывается внутренним свойством человека как социального существа, без учета которого невозможно понять, как человечество выжило в столь суровых условиях и заданностях.

По законам диалектики высшая форма движения включает низшую. Феномен права неразрывно связан с понятием справедливости как своей первоосновы (прародительницы) и генетически включает ее в свое содержание, в противном случае речь идет не о праве, а о произволе и насилии. Высшей формой движения по отношению к своей первооснове право становится, когда делает диалектический скачок к письменному воплощению в период появления древнейших памятников права и законодательства как феномена в целом. Это объясняется возникновением антиномической связи права с официальной властью. На данной стадии «морфогенеза» властью, рефлексивной над понятием справедливости, оказывается персонифицированный древний законодатель – суверен. Право «опредмечивается» в сакральном

письменном тексте древнего закона, основным содержанием которого выступает воля суверена, обретшего инструмент управления, и извлеченные из общественных отношений представления о справедливости, отодвигаемые на второй план. Внешней стороной анализа феномена права выступает письменный древний закон; внутренней – воля конкретно-исторического персонафицированного законодателя и его представления о справедливости.

Следующая диалектическая стадия развития феномена права как формы движения заключается в подчинении понятия о справедливом (справедливым становится то, что соответствует требованиям закона, воле государства) и преобразовании справедливости как требования о соответствии деяния воздаянию в социальную справедливость (концепцию о должных отношениях между индивидом и обществом). Эта стадия совпадает с моментом в истории, когда возникла концепция позитивного права и государство (абстрактный законодатель) присвоило себе правотворческие функции. Происходит подчинение многообразных форм проявления феномена права (обычаев, судебных решений, мнений юристов, религиозных догматов, административных практик) совокупности норм, установленных или санкционированных государством, исключающих юридическую силу всего, что считалось раньше правом, и заменой справедливости как субстанциальной основы права на определяющую связь с государством. На этой же стадии приходит осознание катастрофических последствий утраты связи права со справедливостью. Данное противоречивое положение приводит к пониманию, что творец права в лице государства не может создавать право без матери(ала), поэтому справедливость так или иначе оказывается прежде права государства. Внутренней стороной анализа здесь является позитивное право, установленное государством. Феноменологией правового становится абстрактная воля абстрактного законодателя, концепция справедливости, положенная в основу социального устройства и ставшая экспликацией законных требований, в том числе к государству как творцу права.

Четвертая стадия развития феномена права приводит к осознанию его уникальности. Возникнув из «сущего» свойства человеческого поведения – справедливости, переместившись в сферу письменности, став древним законом, преобразовавшись в установленное (позитивное) право, человеческое изобретение, как оказалось, не сводится ни к справедливости, ни к древним законам, ни к современному законодательству. Право на этой стадии как высшая форма движения материи не может сводиться к низшим формам и, не исключая их из своего содержания, должно представлять собой нечто новое, усложненное, со своими специфическими закономерностями. Происходит интеграция с техносферой. Право, обретая новые свойства тотальной априорной сущности, становится проводником гипотетической сферы разума, «самой себе феноменологией», а в итоге – *объективным механизмом управления обществом*.

Таким образом, можно сделать вывод, что бытие права парадоксально: являясь условной (гипотетической) реальностью, оно в то же время всегда есть хотя бы минимум справедливости, а потому не случайно применимо к действительности как регулятор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 1999. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. Москва : Статут. 712 с.

Антонов М.В., Оглезнев В.В. 2020. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права РАН. Т. 15, № 4. С. 42-61. DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev

Булыгин Е.В. 2008. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 2. С. 147-154.

Булыгин Е.В. 2009. Тезис Алекси о необходимой связи между правом и моралью // Российский ежегодник теории права. № 2. С. 38-41.

Булыгин Е.В. 2011. Что такое правовой позитивизм? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 4. С. 236-245.

Витгенштейн Л. 2010. Логико-философский трактат. Москва : АСТ : Астрель. 177 с.

Гаджиев Г.А. 2013. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). Москва : Норма : ИНФРА-М. 320 с.

Гаджиев Г.А. 2019. Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) // Журнал российского права. № 1. С. 5-18. DOI 10.12737/art_2019_1_1

Давыдова М.Л. 2009. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград : Издательство ВолГУ. 318 с.

Дарвин Ч. 2013. Происхождение человека и половой подбор. Москва : Книга по требованию. 464 с.

Кельзен Г. 1987. Чистое учение о праве. Москва : АН СССР. 195 с.

Крапивенский С.Э. 2003. Социальная философия. Москва : ВЛАДОС. 416 с.

Лебедев С.А. 2010. Уровни научного знания // Вопросы философии. № 1. С. 62-75.

Лекторский В.А. 2015. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. Т. 43, № 1. С. 19-26.

Лекторский В.А. 2019. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. Т. 30, № 1. С. 102-124. DOI 10.31857/S023620070003025-4

Максимов С.И. 2002. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков : Право. 327 с.

Мамардашвили М.К. 2012. Очерк современной европейской философии. Санкт-Петербург : Азбука. 608 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1961. Сочинения. Т. 20. Москва : Государственное издательство политической литературы. 827 с.

Микешина Л.А. 2010. Эпистемологическое оправдание гипотазирования и реификации // Вопросы философии. № 12. С. 44-54.

Нерсесянц В.С. 2002. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. № 3. С. 3-16.

Пермяков Ю.Е. 2005. Правовые суждения. Самара : Издательство Самарской гуманитарной академии. 190 с.

Пермяков Ю.Е. 2007. Эмпирические основания юридической науки // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. №1. С. 43-54.

Попондопуло В.Ф. 2016. Объект и предмет юридической науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 5. С. 68-84.

Поппер К.Р. 2008. Предположения и опровержения: рост научного знания. Москва : АСТ. 638 с.

Радбрух Г. 2004. Философия права. Москва : Международные отношения. 240 с.

- Соловьев В.С. 2001. Право и нравственность. Минск : Харвест ; Москва : АСТ. 191 с.
- Стовба А.В. 2016. Реальна ли правовая реальность? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 4. С. 145-154.
- Сырых В.М. 2001. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1: Элементный состав. Москва : Юстицинформ. 528 с.
- Тарасов Н.Н. 2001. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 1. С. 31-50.
- Тарасов Н.Н. 2015. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Российский юридический журнал. № 6. С. 9-21.
- Тимошина Е.В. 2013. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 4. С. 48-75.
- Хайек Ф. 2016. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва : ИРИСЭН. 644 с.
- Хорошильцев А.И. 2011. Антиномия и антиномическое отношение права и власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. № 2. С. 98-103.
- Шершеневич Г.Ф. 2011. Социология. Москва : Либроком. 200 с.
- Энгельс Ф. 1961a. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Государственное издательство политической литературы. Т. 20. С. 1-338.
- Энгельс Ф. 1961b. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Государственное издательство политической литературы. Т. 20. С. 339-626.
- Эрлих О. 2011. Основоположение социологии права. Санкт-Петербург : Университетский издательский консорциум. 704 с.
- Carter J.C. 1907. Law, Its Origin, Growth and Function. New York ; London : G.P. Putnam's Sons. 355 p.
- Gawthorne D. 2013. Fictionalising Jurisprudence: An Introduction to Strong Legal Fictionalism // Australian Journal of Legal Philosophy. Vol. 38. P. 52-73. DOI 10.2139/ssrn.2365091
- Rehfeld B. 1951. Die Wurzeln des Rechts. Berlin : Duncker & Humblot. 71 s.
- Stein P. 1966. Regulae Iuris: From Juristic Rules to Legal Maxims. Edinburg : Edinburg U.P. 206 p.
- Todd H. 2014. Reification in and Through Law: Elements of a Theory in Marx, Lukacs, and Honneth // European Journal of Political Theory. Vol. 13, iss 2. P. 178-198. DOI 10.1177/1474885113483286

References

- Alekseev S.S. *Law: ABC – Theory – Philosophy: An Experience of Comprehensive Research*, Moscow, Statut, 1999, 712 p. (In Russ.).
- Antonov M.V., Ogleznev V.V. Legal Positivism and Truth in Law, *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 15. no. 4, pp. 42-61. (In Russ.). DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev
- Bulygin E.V. Alexi Thesis on the Necessary Connection Between Law and Morality, *Rossijskij ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Legal Theory], 2009, no. 2, pp. 38-41. (In Russ.).
- Bulygin E.V. Norms and Normative Proposals: The Difference Between Them and the Danger of Their Confusion, *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2008, no. 2, pp. 147-154. (In Russ.).

Bulygin E.V. What is Legal Positivism, *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2011, no. 4, pp. 236-245. (In Russ.).

Carter J.C. *Law, Its Origin, Growth and Function*, New York & London, G. P. Putnam's Sons, 1907, 355 p.

Darwin Ch. *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*, Moscow, Kniga po trebovaniyu, 2013, 464 p. (In Russ.).

Davydova M.L. *Legal Technique: Problems of Theory and Methodology*, Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, 318 p. (In Russ.).

Engels F. Anti-Dühring, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, vol. 20, pp. 1-338. (In Russ.).

Engels F. Dialectics of Nature, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, vol. 20, pp. 339-626. (In Russ.).

Erlich E. *Fundamental Principles of the Sociology of Law*, Saint Petersburg, Universitetskij izdatelskij konsorcium, 2011, 704 p. (In Russ.).

Gadzhiev G.A. Contract as a General Legal Value (on the Genesis of Legal Epistemology), *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 1, pp. 5-18. (In Russ.). DOI 10.12737/art_2019_1_1

Gadzhiev G.A. *Ontology of Law (A Critical Study of the Legal Concept of Reality)*, Moscow, Norma & INFRA-M, 2013, 320 p. (In Russ.).

Gawthorne D. Fictionalising Jurisprudence: An Introduction to Strong Legal Fictionalism, *Australian Journal of Legal Philosophy*, 2013, vol. 38, pp. 52-73. DOI 10.2139/ssrn.2365091

Hayek F. *Law, Legislation, and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*, Moscow, IRISE'N, 2016, 644 p. (In Russ.).

Kelsen H. *Pure Theory of Law*, Moscow, Akademiya Nauk SSSR, 1987, 195 p. (In Russ.).

Khoroshiltsev A.I. Antinomy and Antinomic Relationship Between Law and Power, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2011, no. 2, pp. 98-103. (In Russ.).

Krapivensky S.E. *Social Philosophy*, Moscow, VLADOS, 2003, 416 p. (In Russ.).

Lebedev S.A. Levels of Scientific Knowledge, *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 1, pp. 62-75. (In Russ.).

Lektorsky V.A. Constructivism in Epistemology and in Human Sciences, *Chelovek* [The Human Being], 2019, vol. 30, no. 1, pp. 102-124. (In Russ.). DOI 10.31857/S023620070003025-4

Lektorsky V.A. Constructivism vs Realism, *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2015, vol. 43, no. 1, pp. 19-26. (In Russ.).

Maksimov S.I. *Legal Reality: The Experience of Philosophical Reflection*, Kharkov, Pravo, 2002, 327 p. (In Russ.).

Mamardashvili M.K. *Essay on Contemporary European Philosophy*, Saint Petersburg, Azbuka, 2012, 608 p. (In Russ.).

Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 20, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, 827 p. (In Russ.).

Mikeshina L.A. Epistemological Justification of Hypostatization and Reification, *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 12, pp. 44-54. (In Russ.).

Nersesyants V.S. Philosophy of Law: Libertarian Legal Concept, *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 3, pp. 3-16. (In Russ.).

Permyakov Yu.E. Empirical Foundations of Legal Science, *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Samara Academy of the Humanities. Series: Law], 2007, no. 1, pp. 43-54. (In Russ.).

Permyakov Yu.E. *Legal Judgments*, Samara, Izdatelstvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, 2005, 190 p. (In Russ.).

Popondopulo V.F. The Object and Subject of the Legal Science, *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2016, no. 5, pp. 68-84. (In Russ.).

Popper K.R. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*, Moscow, AST, 2008, 638 p. (In Russ.).

Radbruch G. *Philosophy of Law*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 240 p. (In Russ.).

Rehfeld B. *Die Wurzeln des Rechts* [The Roots of Law], Berlin, Duncker & Humblot, 1951, 71 p. (In German).

Shershenevich G.F. *Sociology*, Moscow, Librokom, 2011, 200 p. (In Russ.).

Solovyov V.S. *Law and Morality*, Minsk, Harvest, Moscow, AST, 2001, 191 p. (In Russ.).

Stein P. *Regulae Iuris: From Juristic Rules to Legal Maxims*, Edinburg, Edinburgh U.P., 1966, 206 p.

Stovba A.V. Is the Legal Reality Real? *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2016, no. 4, pp. 145-154. (In Russ.).

Syrykh V.M. *The Logical Basis of the General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. 1: Elemental Composition*, Moscow, Justitsinform, 2001, 528 p. (In Russ.).

Tarasov N.N. Method and Methodological Approach in Jurisprudence (An Attempt of Problem Analysis), *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2001, no. 1, pp. 31-50. (In Russ.).

Tarasov N.N. On the Subject of the General Theory of Law and Theoretical Concepts, *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2015, no. 6, pp. 9-21. (In Russ.).

Timoshina E.V. Law as an "Idea", as a "Fiction" and as a "Fact": On the Nominalism and Realism in Legal Theory, *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 4, pp. 48-75. (In Russ.).

Todd H. Reification in and Through Law: Elements of a Theory in Marx, Lukacs, and Honneth, *European Journal of Political Theory*, 2014, vol. 13, no. 2, pp. 178-198. DOI 10.1177/1474885113483286

Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*, Moscow, AST & Astrel, 2010, 177 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Валерьевич Зыков

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия;
ORCID: 0000-0002-5544-5459;
SPIN-код: 8582-7170;
E-mail: zyk9@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii V. Zыkov

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia;
ORCID: 0000-0002-5544-5459;
SPIN-code: 8582-7170;
E-mail: zyk9@yandex.ru